

аутентификации, так и юридически обязательной цифровой подписи) [2]. В Республике Беларусь пока нет возможности заимствовать опыт Эстонии для решения данного вопроса. Предполагается, что первые документы нового образца – ID-карты и биометрические паспорта – можно будет получить 1 января 2020 г.

Процесс информатизации общества затрагивает все сферы жизнедеятельности, в том числе и реализацию политических прав и обязанностей. В тоже время следует констатировать, что переход в этой сфере достаточно длительный, так как затрагиваются интересы граждан и государства в процессе взаимодействия. Электронные новшества касаются информирования избирателей. Так, БРСМ вместе с БГУИР работают над созданием мобильного приложения для проведения предстоящих выборов в 2020 г. В таком приложении человек, указав свой адрес, сможет узнать номер избирательного участка и его месторасположение. Также можно будет, например, видеть список лиц, которые баллотируются в кандидаты в депутаты, президенты или на другие выборные должности, а также перечень уже зарегистрированных кандидатов. У избирателя будет возможность прочесть информацию о них до похода на участок для голосования. Кроме того, на сайте Центральной комиссии разместят точные электронные карты избирательных округов. Это позволит избежать ошибок во время сбора подписей [3].

Литература

1. Электронное голосование: опыт зарубежных стран / Т. С. Масловская [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://pravo.by/conf2010/reports/Maslovskaya.doc>. – Дата доступа: 21.04.2019.
2. Электронное голосование в Эстонии. [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Электронное_голосование_в_Эстонии. – Дата доступа: 21.04.2019.
3. Об информационных новациях на предстоящих парламентских и президентских выборах. [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/april/34016>. – Дата доступа: 21.04.2019.

К вопросу о двойственности указа «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» в отношении неопротестантских деноминаций в Российской империи

*Ситко Е. А., асп. БГУ,
науч. рук. Поддубская Е. Ф., канд. ист. наук, доц.*

17 октября 1906 г. Николай II подписал указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях

входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». Указ был призван регламентировать правила деятельности старообрядцев и «сектантов» (к которым причисляли в том числе и неопротестантские деноминации [1, с. 161, 167]) ввиду появления 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» [1, с. 167].

Раздел II указа от 17 октября 1906 г. был посвящен правилам деятельности «сектантских» общин и правам и обязанностям принадлежавшим к ним лицам. В нем были даны конкретные определения «сектантской общины», «членам общины», а также детально регламентированы процессы создания, деятельности и ликвидации общин [2, с. 11–19].

Положения указа могут быть оценены как двойственные, потому что, с одной стороны, они предоставляли «сектантам» новые права, а значит, и возможности для развития их деятельности. Но с другой – посредством чрезмерной регламентации (например, ст. 16) и контроля каждого этапа деятельности общин (например, ст. 22), конкретных ограничений (например, ст. 28), а также зависимости решений от воли отдельных должностных лиц (например, ст. 29) [2, с. 14–17], реализация данных прав имела объективные трудности.

Например, указ провозглашал для «сектантов» свободное исповедание веры, отправление религиозных обрядов и образование религиозных общин (ст. 1), разрешал для зарегистрированных общин избирать наставников, сооружать молитвенные дома, учреждать «богоугодные заведения» и школы, приобретать и отчуждать для осуществления целей общины «недвижимые имущества», принимать пожертвования и пособия и другое (ст. 13, 24). Однако приобретение общинами недвижимости на сумму свыше 5 000 рублей требовало разрешения Императора (ст. 13), а миссионерская деятельность общины в более чем одной области или одной губернии нуждались в отдельном согласовании с местными градоначальниками и губернаторами (ст. 9) [2, с. 11–16]. Иллюстрацией тезиса о двойственности положений указа является одновременное освобождение внесенных в реестр «сектантских» наставников от призыва на воинскую службу (ст. 30) и наделение их обязанностью вести книги гражданского состояния членов общины (ст. 38; раздел I, ст. 39) [2, с. 9, 17, 18], что было гражданскими делами, не имеющими «прямого отношения к духовной деятельности» [3, с. 134].

Появление указа способствовало активизации деятельности неопротестантских деноминаций. В первую очередь, это привело к созданию новых общин. Так, в период с 1906 по 1914 гг. на территории Беларуси новые баптистские общины начали свою деятельность в Гомеле (1908 г.), Минске

(1912 г.) и других местностях [3, с. 383–384]. В 1912 г. общины «Союза евангельских христиан» появились в Бобруйском уезде Могилевской губернии, первоначально в деревнях, а затем и в самом городе Бобруйске. Адвентистские общины были признаны местными властями в 1910 г. в Виленской губернии, а в 1911 г. – в Минске [4].

Кроме появления новых общин, активизация деятельности неопротестантских деноминаций происходила и в других направлениях. Например, активное распространение духовной литературы [3, с. 383–384], миссионерские поездки в новые местности для личной проповеди населению [4], строительство молитвенных домов [3, с. 384] и др.

Однако двойственность указа 17 октября 1906 г. сдерживала масштабы распространения вероучения неопротестантских деноминаций. Сложные административные процедуры вынуждали ждать регистрации общин в течение нескольких лет [3, с. 383]. Местные власти отказывали на запросы об открытии молитвенных домов, а также по-прежнему арестовывали и отправляли в ссылку активных неопротестантов [3, с. 384].

Эти факты подтверждают тезис о двойственности указа «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин», который, с одной стороны, предоставил неопротестантским деноминациям новые права и возможности для активизации своей миссионерской деятельности, а с другой – посредством зарегламентированности и конкретных ограничений создавал трудности в реализации данных прав, что, в свою очередь, сдерживало масштабы развития миссионерской деятельности.

Литература

1. Никольская, Т. К. Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) / Т. К. Никольская // Богословские размышления. – 2004. – № 4. – С. 161–181.

2. Именной высочайший указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002874761#?page=1>. – Дата доступа: 30.03.2019.

3. История евангельских христиан-баптистов в СССР / Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов. – М. : Издательство ВСЕХБ, 1989. – 624 с.

4. Линкевич, В. Н. Протестантское сектантство в Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в.: общий обзор [Электронный ресурс] / В. Н. Линкевич // Западная Русь. – 2015. – Режим доступа: <https://goo.gl/4hk9MV>. – Дата доступа: 30.03.2019.